

Вернуться

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Сергеевич Чайка

Сергей Сергеевич Чайка

Вернуться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64053251

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98375-5

Аннотация

Спасти чужого человека, рискуя погибнуть. Оставить родных, чтобы помочь незнакомым людям. Обрести себя вновь, почти умерев.

Содержит нецензурную брань.

Сергей Чайка

Вернуться

Свеча догорала, еще оставалось совсем немного, и она погаснет. Слабый огонек, окруженный растопленным воском, дернется и в комнате настанет темнота. Тело потряхивало, как будто через него пропускали электрический разряд. Сказывалась огромная усталость и сильный холод. Свет в доме отсутствовал, из-за того, что где-то на линии был обрыв. В такую погоду выйти на улицу было бы безумием для человека в здравом уме, и естественно, что было говорить о аварийных службах. Восстанавливать оборванные провода никто не собирался и видимо никто и не будет пока погода не успокоится. Дров почти не было, так что печь остыла и согреть дом было почти нечем. Для него оставалось только одно, одевать на себя побольше одежды чтобы согреться и ждать. Еда у него закончилась еще вчера, когда утром он доел последний кусок хлеба, закусив его холодной сосиской. Теперь только чай наполнял его желудок. На растопку печи лежало еще пара поленьев и немного тонко наколотой щепы и на этом весь запас топлива заканчивался. Он экономил как мог, ожидая хорошей погоды, но как тут сэкономишь если воду надо вскипятить чтобы приготовить чай. «Может попробовать и пойти в лес поохотиться?» – размышлял он, раз-

говаривая сам с собой. «Да? Ну и кого ты собрался поймать там? И главное как? Ну допустим какой-то сумасшедший заяц, которого выгнала его зайчиха попадетсЯ тебе. Будешь за ним гоняться по лесу по сугробам? Или застрелишь его из пальца? Или, догнав его, что конечно вряд ли, уговоришь его сдохнуть? Да что ты увидишь в этой метели? Метр! Максимум! И все, дальше пелена» – закончил он свою мысль. «Хреново» – с тоской резюмировал он, глядя в заледеневшее окно и ожидая чуда. В таком положении будешь верить во что угодно. Надо было принимать какое-то решение. На улице завывал ветер и снег валил с неба, не переставая третий день. Он ждал что ну вот-вот и наконец утихнет ветер и выглянет солнце, но тот и не думал прекращать свое сумасшествие, а только усиливал свой напор с диким воем. «Еще немного и выходить мне придется через второй этаж» – невесело пошутил он. «Хотя скорей превращусь в эскимо, так и не встретив спокойную старость.» Он натянул на себя ватные штаны, толстый свитер с высоким горлом, армейский бушлат, уши шапки затянул шнурком, ноги в шерстяных носках продел в валенки. Экипировавшись таким образом, он посмотрел на себя в зеркало: «Теперь точно не замерзну.» В маленькой камерке, приспособленной под хознужды, на одной из полок он взял моток бечевки. Обвязав себя веревкой вокруг пояса, он подошел к входной двери и надавил плечом на нее. Чтобы открыть, ему пришлось приложить огромное усилие. Ветер был такой силы, что могло возникнуть чув-

ство что кто-то придерживает ее снаружи. Надавив плечом на полотно двери, он приоткрыл ее и вывалился наружу, попав в снежную карусель. Ветер как зверь из засады накинулся на него. То справа, то слева он кусал своими снежными зубами, пытаясь свалить и закрутить его в вихревом танце. С усилием он сделал несколько шагов и схватившись за основание столба, поддерживающий крышу открытой веранды привязал себя к нему концом веревки. Затянув потуже узел бечевы и подергав на прочность связки, он двинулся в снежный шторм. Лес находился буквально в каких-то пятидесяти метрах от дома. «Главное дойти и прийти» – подумал он. Выпавший снег был рыхлым и ноги проваливались по колено, неудобная одежда сковывала его движения и затрудняло действия. Несмотря на сильнейший холод, через несколько пройденных шагов от его тела повалил пар, ему стало жарко и пот заструился по лицу как ниагарский водопад. Брови и его рыжая борода покрылась инеем и почти огненный цвет сменился на белый. Со стороны теперь его можно было принять за настоящего деда мороза. Ветер усиливался. Сквозь гул ветра внезапно раздался громкий треск и подняв глаза он успел отскочить в сторону в последний момент, перекатившись по снегу. На том месте по центру, где он только что стоял, воткнулся огромный обломок дерева. Ветер обломал половину ели и тяжелый кусок со скоростью вертикально вонзился в землю. «Нормально так... Еще бы не много... И мне был бы звездеч...» – тяжело дыша сказал

он. Во рту все пересохло и зачерпнув горсть снега он отправил ее в рот. Снег растаял во рту моментально, превратившись в холодную воду, немного утолив наступившую жажду. Перевернувшись на живот, он сплюнул желтую слюну, которая на ветру завернулась ему на лицо и повисла толстой нитью. «Тьфу ты, черт» — он смахнул перчаткой липкую слюну, повисшую на его уже седой от снега бороде, и встал на ноги. Встал и сразу же уткнулся в колючий лапник, иглы которого прямоком вонзились в глаз. «Да что ж это такое?» — закрыв рукой уколотый глаз произнес он. Глаз сразу увлажнился и наполнился слезой. Тяжелые лапы ельника, приваленные снегом, образовали наподобие вигвама и ветер ударяясь о его стены угасал. Лес сдерживал порывы ветра, не давая просочиться во внутрь. Под деревьями валялись сухие сучья и палки. Он разложил заготовленную веревку на земле и начал складывать их, отряхивая от снега и льда.

Кружка с горячим чаем в руке и огонь, полыхающий в печи, давал долгожданное тепло, согревая его. Он стоял у окна и дул на горячий чай, затем маленькими глотками, обжигаясь попивал его. Горячий напиток как набегающая волна на берег согревала тело изнутри. Снег за окном кружил по известной только ему траектории, ударяясь о стекло со свистом и гулом. Снежинки, попадающие на стекло тут же, таяли и превращались в маленькую слезу, которая стекала и застывала прозрачной капелькой льда. Когда он там, далеко от этого места стремился к тишине, то он представлял себе

все именно так. Почти так. Тишина породило одиночество. Одиночество, которое порой становилось невыносимым. И он погружался в прошлое, в те памятные дни, которые пропечатались у него в голове надолго. Образы из недалекого времени, того времени что теперь казались для него очень далеки. Время остановилось для него, не было часов, не было календаря, не было чувства движения жизни, всего того, что было в прошлой жизни. Образы знакомых ему людей со временем стирались, они как будто умирали, и он хоронил их, не появляясь на похоронах, не бросив комок сырой земли и не выпив за них. Он забывал их, а они забывали о нем. Так по крайней мере он думал. Одиночество – это молчание, крик в тишине и эхо, пустой звук. Он не заметил, как со временем он стал говорить сам с собой. Когда это все началось он уже не помнил. Он с усилием пытался вспомнить, наморщив лоб и свободной рукой потирая висок. Когда же?

Она сидела на кухне и ждала его. Их общего сына она уже уложила спать и теперь ждала, сидя у окна и не зажигая свет. Когда в ночной тишине раздался поворот ключа в двери, то она от неожиданности вздрогнула. Это пришел он. Она знала, что он придет сегодня и эти дни она высчитывала. Календарь, висевший на кухонной стене, был весь исчерчен крестиками. Повернув голову к двери, она ждала и в ее глазах было ожидание и страх. Страх увидеть не его. «Хотя как такое возможно?» – говорила она себе. Такого просто не может быть... «Это точно он» – успокаивала она себя, но засевший

внутри страх не проходил. Вот еще ключ сделал поворот в замке и дверь отворилась. В освещенном проеме стоял он. Повернув голову с заросшей щетиной на лице, он улыбнулся. Той улыбкой, которой мог улыбаться только он и только ей.

– Привет – сказал он, опустив сумку на пол. Вот так, не было три месяца и привет. Она, не помня себя от счастья вскочила как ошпаренная, пробежала по коридору и повисла на нем, обняв его, уткнувшись и закопавшись ему куда-то в шею, плечо. Он нежно ее обнял, вдыхая запах волос. На плечо стало мокро, он отстранил ее от себя, взяв за голову

– Что ты? Что ты? Все хорошо? Он поцеловал ее в губы, в кончик носа и опять прижал ее к себе.

– Да, да – ответила она, хлюпая носом и улыбаясь в ответ.

– Все хорошо, накатило просто, прости. Так они и стояли обнявшись, пока слезы не высохли на ее лице.

– Ну все – она отстранилась, ладонями рук вытерла остатки слез и взяв его за руку сказала:

– Пойдем, я тебя отмою, накормлю – и потянула за собой.

Он приостановил ее:

– Я... Было видно, как трудно давались ему слова. Она подошла и погладила его по небритой щеке и приложила палец к его губам

– Молчи... Что бы не было, я всегда буду с тобой. Он с благодарностью посмотрел на нее и нежно поцеловал ее в губы. До ванны они так и не дошли, отдавшись чувству, нахлынувшему на них огромной волной и поглотив их с голо-

вой. Каждый из них отдавался друг другу как в первый раз, отдавая себя как в последний. После того как она его отмыла и накормила, он заснул на свежестеленной кровати. От окна спальни стелился лунный свет, освещая кровать, на которой он спал. Ее рука нежно гладила его по спине, останавливаясь и замирая только на мгновение, а потом продолжала дальше изучать свое, родное. Вот здесь родинка, здесь шрам, здесь еще шрам. То, что она находила покрывала поцелуем. Во сне он вздрагивал от ее прикосновений и слез, которые обжигали его. Ее чувство сейчас было куполом, который накрывал его, оберегая и она как сторожевая собака, которая готова загрызть любого, кто помешает ее хозяину отдыхать. «Всегда» – она сказала тихо. Придвинулась поближе к нему, обняла за плечи и закрыла глаза.

Снег за окном не переставал идти. Сугроб под окном продолжал расти и грозился полностью закрыть его. Зимние дни стали короткими и на улице быстро стемнело. Огонь в печи, сделав свою работу понемногу затих и только маленькое пламя дожигало, оставшиеся дрова. «Сегодня посплю в тепле» – подумал он. Нашарив рукой на полке толстую свечу, пристроил ее на краю стола и зажег, чиркнув зажигалкой. Он лег на диван, подложив под голову подушку и в отражении его глаз заиграл яркий свет. Он лежал, наблюдая как пламя свечи стоит не шелохнувшись. Пламя разгоралось все больше и больше. И вот это уже не огонек свечи, это был пожар и в его отражении виднелись горящие поля, черным стол-

бом дыма взмывая в небо, огромные кострища пылающих домов и люди, мертвые люди, раскиданные как кегли посреди выгоревших полей. В центре всего стоял он нешелохнувшись. Он взирал на происходящее вокруг себя и не понимал, как могло быть, что из-за маленькой свечи могло все возникнуть. Моментально захотелось воды и, кажется, даже дождь стал накрапывать, пытаясь перерасти в ливень и появилась надежда что он потушит наконец этот пожар в конце концов и прекратит бесконечный кошмар, длившийся, казалось, так долго что в душе не осталось ничего кроме пустоты и заполнить его было нечем, но дождь не принес ничего. Все вокруг полыхало и рушилось с грохотом. Капли дождя были красного цвета и все, на что попадала вода окрашивалось в красное. Открыв рот, он попытался напиться дождем, но только первая капля попала ему в рот он сразу выплюнул ее на землю и его стало рвать, выворачивая его наизнанку до изнеможения. Он вспомнил этот вкус. Этот вкус он не перепутает ни с чем и никогда. Вкус крови. И он бежит, пытаясь спастись. Его бег медленный и тяжелый. Спотыкаясь о горящее бревно, он падает и пытается встать. Он опирается рукой во что-то склизкое, и рука соскальзывает, и он падает лицом в липкую мерзость. Над головой со свистом пролетает мина и взрыв... Темнота. Дым рассеивается как открывают занавес на сцене или как открываются шторы жалюзи. Сначала он видит свои ноги, обутые в грязные ботинки с комками земли на подошве. И он понимает, что вроде ле-

жит, но почему-то не на месте, он двигается. И до него доходит что его тащат за разгрузку. Что-то стекает по лицу, заливая глаза. Ладонью смахивает, но безуспешно, только становится хуже от грязных рук. К грязи примешивается кровь. И опять темнота. Провалился в сон ненадолго, открыв глаза долго смотрел перед собой прислушиваясь к шорохам. На столе так же горела свеча, а за окном так же гудели провода. Все так же. Огонь в печи погас, но печь еще держала тепло. Натянув плед на ноги, он протянул руку и достал сигарету из пачки. Прикурил. Облако дыма на секунду окутало его. В доме стояла тишина, только за окном все гудело и свистело. Тем самым был неожиданным стук в дверь. Сначала стук в дверь был слабеньким, затем он стал более сильный и настойчивый. Дом стоял далеко от других и тем странно было что кто-то мог оказаться здесь, при том, что погода стояла совершенно не для прогулок. Сев на диван, влез ногами в теплые тапки и пошел к двери. Стук прекратился. Щелкнув замком, повернул ручку и с усилием открыл дверь. Времени для разговора не было, ветер как будто ждал и устремился в дом. Он схватил, стучавшего за первое что попало под руку и рывком втянул в дом. Тот неуклюже споткнулся о ступень при входе и рухнул в тамбуре. Он тут же захлопнул дверь и склонился над упавшим. Тот и не думал вставать, лежал без движения уткнувшись в пол.

– Эй, браток – позвал он его. Лежащий не отреагировал, продолжая хранить молчание. Перевернув на спину и взяв

под мышки, он потащил его в теплую комнату. Подтянув к дивану, он водрузил на него незваного гостя. Шарф, намотанный по глаза и накинутый капюшон с кромкой меха не позволял увидеть лицо человека. Сняв капюшон и осторожно разматывая шарф, он с удивлением обнаружил под ним девушку. Правильные черты лица, белая прядь волос, выбивающаяся из-под черной шапочки, чуть вздернутый нос и глаза, а вот глаза как раз и не получилось увидеть по причине закрытия век. Оставив ее на диване, он занялся печкой. Хотел оставить дрова на завтра, но сейчас ситуация требовала срочных мер. Когда в печке дрова принялись, он закрыл топку и развернувшись столкнулся с ней взглядом. Она открыла глаза и теперь, даже в полутьме можно было увидеть их цвет. Голубые.

– Ну, здравствуйте – первым сказал он – Сейчас согрею чай и вообще будет хорошо.

– Здравствуйте... Спасибо вам – тихо ответила она.

– Надо одежду снять и просушить. Я сейчас вам дам сухую... Что-нибудь найду – он смотрел на нее оценивая ее размер одежды.

– 46-ой – сказала она догадавшись.

– Я так и предположил, но такого вряд ли найду, так что не обессудьте если что – сказав это он вышел из комнаты. Открыв шкаф, достал шерстяные носки, поискал глазами что еще можно было предложить ей. Немного подумал и взял новый комплект цифры с верхней полки. Рядом на приколо-

ченном в стену крючке висел армейский бушлат, почти новый, с теплым воротником. Поддев его снизу он снял с крючка и перекинул через руку. В комнате она уже сняла верхнюю одежду и укрывшись пледом с головой сидела, подрагивая от озноба. Снятую одежду она аккуратно положила на стул.

– Переодевайтесь, я сейчас воду вскипячу – зачерпнув из ведра, он налил полный чайник и поставил его на раскаленную печь. Мокрую одежду развесил на протянутой рядом с печью веревке. Она трясущимися руками надевала одежду, натягивая ее и трясясь от холода. Чайник быстро вскипел и теперь булькал, пуская струю белого пара из носика. Кинув щепотку черного чая в кружку, он залил ее кипятком, и вода тут же окрасилась в темный цвет.

– Пейте – он протянул кружку, уже одевшейся в принесенную им одежду незнакомке.

– Благодарю вас – чуть слышно проговорила она. Она осторожно сделала глоток и посмотрела на него в ожидании вопросов. Он не спешил, ждал пока она отогреется и придет немного в себя от мороза. Бледные щеки уже покрылись румянцем, а губы по чуть-чуть наливались красным. Первым заговорила она, это было так неожиданно, что он вздрогнул.

– Я искала вас – произнесла она. Ее лицо, освещаемое тусклой свечой и светом от печи было совершенно спокойно. Он сидел на стуле в пол оборота к ней, и только половина лица было освещена, но ей было видно, что в руках он держал сухую веточку. Он чувствовал ее взгляд, но не подавал

вида что взволнован. Никто не знал, что он здесь, никто. Ни друзья кто остался жив, ни родные кто когда то помнил о нем. Никто. Как он ошибался тогда, как иногда мы все ошибаемся, когда думаем, что мы никому не нужны. О нем знали, о нем помнили. Она ждала ответа, он молчал. Вдвоем сидели без движения, боясь нарушить тишину и только ветер стрелял острыми снежинками в окно завывая, да в печи потрескивали дрова. Он повернул лицо к ней и встретился с ее взглядом.

– Вы искали меня? Но я вас не знаю – сказал наконец он.

– Нет, не знаете – тут она замолчала, выдерживая паузу и собираясь то ли с мыслями, то ли с духом. Не знаете меня – тихо и с сожалением повторила она. Никого и ничего он не боялся в жизни, но тут неприятный холодок прошелся по спине. «Только мне сумасшедших не хватало» – подумал он, но продолжал смотреть на нее без движения и ждал продолжения. В тишине соприкосновение кружки со столом прозвучало как удар молотком, а за окном с подтопленной крыши сполз наст снега и с грохотом упал, ломая ветки дерева, выглядывавшего из толстого сугроба. Он вздрогнул и в его руках, ломаясь щелкнула веточка. Неизвестное, тайное всегда интересно, но может быть и страшным. Нет, людей он не боялся, он боялся, что это разрушит его мир, в котором он жил в последнее время. Ничего не говоря, он встал и прошел в соседнюю комнату, там на старом шкафу он достал спальный мешок и вернулся к печи. Возле нее он расстелил его и

лег, повернувшись к печи лицом, заранее свернув валиком свитер и положив под голову. Помолчав, он сказал:

– Один мой близкий человек когда-то говорил, в любой непонятной ситуации ложись спать. И он сейчас абсолютно прав. И вы ложитесь. Завтра будет день.

Она промолчала.

Муха зимой. «Как не люблю мух» – подумал он. Отогревшись, насекомое проснулось и жужжа билось в окно. Открыв глаза, он лежал и смотрел как та выкручивала вентиля, ударяясь раз от раза о стекло. «Дура» – решил он. За окном светило яркое солнце, сменившее серые краски на золотые. Лучи уже пролезли через окно в дом и на солнечной дорожке висела пыль. Тепло и светло, тихо. Он повернулся и посмотрел на диван. Ночная гостья спала, уставшая после ночной дороги. Оставалось немного дров, как раз чтобы подтопить и вскипятить воду для чая. Осторожно чтобы не разбудить спящую, он долил воды в чайник и поставил его на печь, затем открыл еще теплую топку, закинул последние дрова и поджег. Присев на корточки смотрел как огонь схватывается и облизывает языком толстые сучья. «Что с ней делать?» – думал он. Бывает в жизни происходят необъяснимые вещи, и он встречал такое, что разум отказывался понимать происходящее, но он всегда пытался найти хоть какое-то объяснение. И вот то, что происходило с ним сейчас возвращало его на несколько лет назад, туда где то, что с ним происходило он старался забыть, то, из-за чего он оказался здесь, то

почему он один.

На утро намечалась ротация. Он с двумя сослуживцами, с одним из которых он сдружился за время проведенное здесь должны были отбыть на отдых. С вечера были собраны вещи и переданы позиции вновь прибывшим. Ночь прошла спокойно, враг за это время ничем не проявил себя. Это скорей беспокоило, чем успокаивало. Если тихо, то жди беды. Но рано утром, когда туман стелился по полю и солнце уже готово было показаться на горизонте они складывали вещи в багажник повывавшему многое старенький внедорожник. Машина была старая, но надежная. Когда было все готово и последний мешок положен в багажник они расселись по местам. Он сел за руль, его товарищ справа на пассажирском, третий сослуживец разместился сзади, открыв окно и положив автомат на свои колени. Товарищ справа так же сидел с открытым стеклом, поглядывая в туманное утро.

—С богом — сказал он и машина, заурчав, карабкаясь двинулась по ухабистой дороге в сторону города. По пути домой вероятность нарваться на неприятности была высока. Засада, попасть под обстрел, подорваться на фугасе это перечень того, с чем можно было столкнуться. Можно было нарваться и на бандитов, прикрывающихся формой, поэтому внимание было предельным. Да и война все-таки. Чтобы добраться до места отдыха нужно было с начала проехать по дороге по открытому участку около пяти километров, затем миновать село, в котором еще оставались мирные жители, те кто по

разным причинам не смогли уехать и остались, прячась по подвалам, а затем укрываясь за холмами выйти на трассу и мчаться к городу, где их ждала нормальная еда, горячий душ, мягкая кровать и крепкий, гражданский сон. Они ехали в тумане, скрываясь за выступами холмов, солнце, показавшееся на горизонте, не успело осветить всю землю и этим помогла им оставаться незамеченными для неприятеля. Впереди показалось начало открытого участка, и он вдавил педаль газа в пол, развивая скорость на сколько это было возможно. Машина киксанула, устремляясь вперед. Сидящие в машине товарищи внимательно осматривали обочины и маленькие пролески вдоль дороги, дула автоматов они высунули из окон, держа пальцы на спусковых крючках и готовые в любую секунду открыть огонь.

–Воронка слева – сбоку подсказал напарник.

–Вижу без тебя, следи справа и не мешай. Рулить мы и сами умеем – сквозь зубы ответил он. Дорога местами была изрыта воронками от минометного обстрела, и езда превращалась в слалом, только победителю наградой была не медаль, наградой была жизнь. Оставалось немного и опасный участок был бы пройден, но при следующей рулежке, объезжая одну из воронок раздался оглушительный взрыв. Машину подбросило как игрушку и из задней части автомобиля взрывом вырвало кусок вместе с сидящим бойцом и автомобиль накренившись вперед сделал полукульбит, воткнувшись передком в землю и опрокинувшись назад. Он

не помнил сколько прошло времени, когда он очнулся, а открыв глаза увидел перед собой свои ноги. В ушах стоял монотонный гул, глаза застилала розовая пелена и во рту стоял сладковатый привкус, перемешанный с гарью. Потом наступил провал. Когда он снова открыл глаза, то обнаружил себя сидящим за небольшой насыпью, которая позволяла полностью скрыть его от окружающих. Повернув голову, он увидел напарника, тот сидел рядом, закрыв глаза. Он протянул руку и потрепал его за плечо

– Ты жив? – тот открыл глаза и быстро закрыл рукой ему рот. – Не кричи пожалуйста – только это он и понял по губам. Напарник посмотрел на него внимательно и отстегнув флягу заставил выпить из нее.

– На, подлечись, а то ты своим криком всех распугаешь. «Спирт, это хорошо» – подумал он. Сделав большой глоток, он зажмурился и спирт провалился, обжигая внутренности.

– Что там? – он махнул в сторону останков внедорожника.

– А хрен его знает. Нет никакого желания проверять – ответил тот.

– Что Сибирь? – он спросил о третьем попутчике.

– Трындец, нет Сибири. Двухсотый, осталось что там от него, не знаю – отозвался тот, прислонившись спиной к насыпе и глядя вперед.

– Я так думаю, будем ждать темноты? – ответил он.

– Определенно – отозвался тот

– Или на дурачка или ждали – добавил тот.

– Если ждали, чего не добились? – задал он резонный вопрос.

– А я знаю? Нет, если ты хочешь проверить, то пожалуйста, прошу. Но я как друг и по совместительству умный человек советую не выпендриваться, а спокойно посидеть, вдыхая этот прекрасный воздух – ответил тот.

– Посидим – примирительно ответил он – Дай флягу еще.

– Держи, алкоголик. И ты это, не увлекайся – протягивая спирт посоветовал тот.

– Делать то, что доставляет удовольствие, значит быть свободным. Вольтер – ответил он, прикладываясь к фляге.

– Хорошо – рассмеялся тот. Туман рассеялся, солнце скрылось за свинцовыми тучами. Серые холмы и желтая трава с кое где оставшимся снегом наводила тоску и безысходность. «Воздух!» – вдруг закричал кричал он и завалился на землю, накрыв голову руками. Раздался приближающийся свист. Взрыв от прилетевшей мины раздался в ста метрах от них, около подбитой машины. Наступила недолгая пауза. Стрелявшие скорректировали огонь. Следующая мина прилетела уже ближе и третий выстрел попал точно в остатки машины, разорвав на части и раскидав по запчастям ее в разные стороны. Когда рассеялся дым, то на месте машины зияла воронка.

– Все, бобик сдох – констатировал напарник.

– Надо выбираться. Так мы до вечера не просидим – подумав сказал он.

– Не очень хорошая идея, но может ты и прав, давай подумаем – ответил тот. Дорога шла по открытой местности и просматривалась со стороны врага. Выйди они сейчас из укрытия, и они оказались как на ладони. Высокая, прошлогодняя трава росла по обе стороны дороги и если проползти около пятисот метров по ней, то шанс остаться незамеченным был велик. «Пятьсот метров! Мама родная, пятьсот метров это много, это не то, что много, это до хера» – размышлял он – но другого на ум не приходило.

– Сейчас бы рацию – сказал он.

– Сейчас бы пива – ответил напарник.

– При чем тут пиво? — непонимающе спросил он.

– А при чем тут рация? Мы мечтать будем или все-таки уберемся отсюда? – ответил на вопрос тот.

– Давай, двигаем ползком вдоль дороги и прошу тебя, пожалуйста, жопу не высовывай – сказал он.

– Да иди ты – миролюбиво ответил напарник. Передвигаться по-пластунски пятьсот метров по таким буеракам при нашем состоянии это примерно около тридцати минут, но это лучше, чем ждать неизвестно чего и неизвестно кого. Первым выдвинулся он. Ползком, по мокрой и холодной земле, раздвигая руками жухлую траву. Телу стало жарко, пар валил как после бани, дурнота снова подступила. Он остановился чтобы отдышаться. «Господи, какой же я стар-ый» – думал он. В ноги, каской уткнулся товарищ.

– Пробку не создавай – услышал он.

– Дай отдышаться – ответил он.

– Ну давай отдохнем – ответил тот. Через мгновение услышал от него

– Сейчас бы пивка.

– Попьём. Двинулись – скомандовал он. Телом прижимался к земле, руку просунул под ремень автомата и толкал им вперед. Вот и спасительный куст, за которым можно встать в полный рост, не боясь быть замеченным.

– Слава тебе, ну и мне, конечно, слава – вставая с земли сказал он.

– Отдохнем и двинем, здесь осталось ничего, повезет может попутку словим – сказал он. Тот махнул головой, затаиваясь прикуренной сигаретой:

– Словишь, конечно. И засмеялся довольный своей шуткой. Короткий, свистящий звук, хруст и одежда окрасилась красным. Его товарищ упал, не успев сделать вторую затяжку. Сигарета так и осталась лежать возле него, дымя и тлея. Он резко упал на землю. Приподняв голову, он посмотрел на своего друга. Тот лежал перед ним, раскинув руки и в какой-то неестественной позе. Глаза стеклянные, в голове, точно по центру лба зияло отверстие, из которого тонкой струйкой текла кровь.

– Братишка – чуть не плача позвал он. Тот не отвечал.

– Братишка! – попытался закричать он, но крик застрял и все сошло на хрип. Поднялся ветер, принеся с собой холод, заморосило. Темные облака низко свисали и давили всей

своей тяжестью, на все что было под ней. На холмы, дорогу, на желтую траву и на него. Серый день. И он один в этом неприветливом дне, лежащий на земле, в грязи. Один. Спустя непродолжительное время он подтащил напарника за руки к себе, за холм. Руки его были холодные, ноги чертили две полосы по чуть оттаявшей земле, голова болталась на груди. Минутная слабость отступила и на ее место пришел холодный рассудок. Вытянув тело, он сложил его руки вдоль, вынул флягу из подсумка, отвернул колпачок, подержал немного и выпил, не морщась. Отставив в сторону флягу, снял осторожно разгрузку с боекомплектом для двух магазинов для автомата и двумя подсумками для вогов, отстегнул ремень с кобурой. Все сложил рядом, положив на него автомат товарища. Открепив липучки броника, поискал по карманам личные вещи. Фотография детей, две девочки погодки смотрели на него улыбаясь. «Любимому папочке – герою» – прочитал он. «Надо же, дети были, а я и не знал» – сказал он, убирая фотографию во внутренний карман. Перочинный нож, зажигалка, горсть патронов, все, больше ничего. Остальные вещи оставались в машине. «Даже прикрыть нечем» – подумал он. Скучна природа, холмы, трава, кривые деревья и голые кустарники. И ветер, постоянный ветер. Он то и помог. Кусок брезента размером примерно два на метр, а может и больше принесло от дороги, зацепившись за кривой кустарник. Он потянул его за краешек и подтянул к себе весь кусок. Брезент видимо сорвало когда-то с грузовой

машины. Накрыл тело брезентом, подоткнув его чтобы не снесло ветром и затем прикрыл сломанными ветками, валявшимися рядом. Дождь, который моросил до этого, застучал по брезенту барабанной дробью, капли дождя скатывались по стриженным волосам и превращаясь в тоненькие ручейки текли по лицу. Он стоял, склонив голову, не обращая внимание ни на ветер, ни на холодный дождь. Поправил, сползающий автомат с плеча. Автоматически, не глядя ощупал рожки в разгрузке. Огляделся и выбрав направление, пригнувшись к земле пошел. Замерзшая некогда земля превратилась в скользкую жижу, и он ступал осторожно по ней чтобы не упасть. Он шел, вглядываясь в желтую, чахлую траву, которая вот уже, наверное, меньше, чем через месяц превратится в сочную и зеленую. И солнце согреет землю и небо прояснится и облака будут не такими суровыми, а будут как нежная перина. Птицы проснутся и будут свистеть на своем языке. Корявые деревья со своими сучьями как руками, вознесенными к небу, оденутся в зеленые одежды и будет не так страшно и не будет так неудобно. Будет. Наверное. А пока, где-то не более с километр от него находится тот, кто убил его товарища и убьет его, если он даст тому шанс. Но. «Хер ему!» – думал он. «Я дойду, дай время, и ты тварь заплатишь мне сполна» – дорога подходила к мосту, который просматривался с одной стороны и по нему хода для него не было. Оставалось только пойти в обход и перейти немного выше по воде. Он присел, изучая местность. Дождь, не переставая лил

и это был плюс. Значит видимость для снайпера была никакой, а это то, что было нужно ему. Можно рискнуть и перейти по мосту здесь, но риск был высоким и неоправданным. На войне второго шанса может и не быть. Здесь за ошибку платишь дорого, порой ценой своей жизни. Перекинув автомат на грудь, он съехал со склона как на санках и оказавшись внизу перекатившись вбок поднялся и пригибаясь пробежал метров двадцать, выбежав к реке. Присев на корточки он огляделся. Прошлогодний камыш с коричневыми головками покрывал два берега с одной и с другой стороны. Подумав, что лучшего места для перехода не будет, решил перейти здесь. Потрогал воду пальцами и те моментально онемели от холода. «Холодная» – сказал он себе. «Но лучше быть холодным от воды, чем холодным и молчаливым.» Подняв автомат над головой, он ступил в воду, ботинок погрузился в илистую почву и забурлил пузырьками. Продвигаясь к середине реки вода поднималась все выше и выше. Река была не большой, но быстрой и опасность что его снесет была высока, ничего конечно страшного в этом не было, но полностью купаться в планы не входило. Когда вода была уже по пояс, и он сделал еще шаг, то поздно обнаружил что не чувствует дна. Он потянул ногу изо всех сил, в надежде что нащупает твердую поверхность, но нет. Нога улетела вглубь и потеряв равновесие он стал заваливаться вперед, следуя силе тяжести. Держа автомат над головой, он уходил под воду, когда вторая нога нащупала спасительную твердость дна и упира-

ясь на нее он устоял, вынырнув из-под воды. До берега оставалось совсем немного. Держа автомат одной рукой, второй работал как веслом. Еще чуть-чуть и вот, наконец прибрежный камыш и земля. Вытаскивая ноги из затягивающего ила, он раздвинул камыш и выбрался на берег. «Теперь надо двигаться, не то я околею» – думал он. Перекинув автомат за спину, ускорился. Холод, дождь, ветер, смерть ближнего и силы, которые заканчивались все это надломило бы кого-то другого, но не его. Его это злило, в нем все просто пылало от злости и беспомощности, что ты ничего не можешь сделать и приходится либо бежать как заяц, либо прятаться как мышь. Отомстить за друга это святое дело, но как ты отомстишь невидимому врагу, а отмщение требовалось сейчас и немедленно. Злость придавала ему силы, и он не чувствовал ни усталости, ни боли. Была цель. Дойти, добраться до связи и вызвать артиллерию в этот квадрат. И разнести к хренам собачим тут все, чтобы и пылинки не осталось. Месть и смерть. Око за око. За поворотом показался разрушенный, с обгоревшей крышей дом. Его обуглившиеся бревна были похожи на скелет, вымершего мамонта или черт его знает, как их там называли раньше. Он поймал себя на мысли что почему то, там, где кровь и смерть, то и любое сравнение было связано с чем-то не хорошим. Почему-то в голову не приходило ему что это может быть похоже на остов старого корабля или еще чего-нибудь. «Какая хрень» – он сплонул на землю. Обойдя останки когда-то стоявшего жилища,

он остановился. Перед ним возник такой ничего себе домик, целый и невредимый. Найдя брешь в заборе, что было опять удивительно и удивительным было само наличие забора, а не дыра в нем, он пролез в него. Завернув за угол, он обнаружил коричневую дверь с белым навесом, ступеньки которой вели видимо в подвал. Из стены дома, чуть ниже окон выходил дымоход, из которого тонкой струйкой шел черный дым. Он дернул за ручку двери, и та легко отворилась, открывая перед ним ступени, уходящие в темноту. Держа автомат на изготовке, он осторожно начал спускаться, ступенька за ступенькой. Пройдя по ступеням, он уткнулся в какую-то дерюгу, висевшую в проеме и преграждавшая ему путь. Дулом автомата он медленно начал отодвигать край чтобы заглянуть во внутрь. Тусклый свет показался сквозь открытую щель и изнутри потянуло теплом. Открыв полностью проем двери и оглядевшись, он опустил автомат вниз

– Здравствуйте – поздоровался он.

– Здравствуйте – на перебой ответили ему. Одна лампочка, висевшая по середине комнаты над столом, освещала небольшое помещение. За столом сидели двое детей, возраста от шести до восьми лет. Вдоль стены стояло две кровати, на одной из которых лежала не молодая женщина с закрытыми глазами.

– Дяденька, а вы кто? Свой? – поинтересовался мальчик, который был старшим из них. Мальчик был одет в свитер на несколько размеров больше, с закатанными рукавами, в

синих тренировочных штанах и в кроссовках на ногах.

– Свой, свой – ответил он.

– Это бабушка ваша? —спросил он, кивнув в сторону лежащей на кровати женщину.

– Это? Нет, это соседка. Бабушку... убили. В наш дом попала бомба – пояснил он. – Мы с мамой здесь... И вот как опять стрелять начали мы спустились сюда – ответил мальчик.

– Она спит? – он внимательно вглядывался в женщину, лежащую на кровати.

– Нет- тихо ответил ему в ответ мальчик. Он стоял и смотрел на ребенка, ожидая ответа. Тот молчал и смотрел перед собой. Он перевел взгляд на девочку, которая не издала ни единого звука за все время разговора, не считая ее приветствия в начале. Девочка вертела самодельную куклу в руках и молчала. Подойдя к кровати, он сразу все понял, женщина была мертва. Белое, покрытое морщинами лицо было спокойно и можно было подумать, что человек просто спит. Накрыв лицо одеялом, он подошел к столу.

– И как долго она, это... – указывая рукой спросил он.

– Вчера вечером -ответил коротко он. – Она попросила принести воды попить. Я принес ей, а она уже. Вот – закончив свой рассказ он развел руками.

– И как вы здесь? – он присел возле печки буржуйки и пытался хоть немного согреться и просушить одежду.

– Сидим, на улицу не выходим... страшно, стреляют – по-

молчал и продолжил – Огонь поддерживаем, вода есть, только еды почти не осталось – и опять замолчал. Привстав и подойдя к импровизированному столику для готовки, он пошуршал по пакетам и понял, что почти нет, это значит совсем ничего нет. В одно пакете он обнаружил четверть черного хлеба. В другом луковица. Все. Ничего больше. В подвале, с трупом, без еды и без надежды на какую-то помощь.

– А где мама ваша, почему не уехали? —спросил он, присев опять возле печи и чуть ли не обняв ее.

– Мы хотели, только некуда и мама пропала – мальчик развернулся на стуле и теперь смотрел пристально на него.

– Как пропала? —спросил он, но уже догадывался какой будет ответ. Мальчик молчал. Тишину и паузу прервал голос девочки.

– Дядя – тихо и осторожно позвала она. Он развернулся на голос и детские глаза, наполненные страхом, вперились в него.

– Вы возьмете нас с собой? – этот вопрос маленькой девочки требовал ответа. К горлу подступил комок, он хрипло произнес

– Конечно, маленькая. Вот только отдохну и обязательно заберу вас с собой.

– Вы...Вы обещаете? —она произнесла это уже с облегчением и даже показалось ему она с облегчением выдохнула.

– Да... Обещаю – улыбнулся из последних сил и отвернулся. Он не хотел, чтобы дети видели его слабость.

– Мне надо немного отдохнуть, а потом мы уйдем – сказал он. Эмоций не осталось как не осталось и сил. Он снял ботинки, поставив их рядом с печкой, а сам привалился к стене, положив автомат на колени. Он закрыл глаза: «пятнадцать минут и все» – сказал он себе. «Пятнадцать, пятнадцать, пятнадцать...» Он открыл глаза от того, что кто-то сильно тряс его за плечо. Перед ним на корточках сидел мальчик

– Мы испугались – он помолчал и продолжил – На улице стреляли, а вы как будто не живой были.

– Стреляли? Вот же я заснул – он отбросил покрывало в сторону, которым был заботливо накрыт детьми. Вскочив на ноги, он устремился по лестнице вверх, на ходу снимая автомат с предохранителя. Подойдя к двери, он прислушался, за дверью было тихо, только слышен был ветер, выбивающий звуки из проводов, да капли, падающие с карниза на бетонную стяжку двора. Держа автомат на изготовку, он плечом приоткрыл дверь. На улице была ночь. «Все проспал» – подумал он, развернулся и спустился вниз, не забыв поставить оружие на предохранитель. Дети стояли возле стола, ожидая от него слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.